

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020072

Оптативные конструкции в луговых марийских и горномарийских идиомах

© 2024 г. А. Н. Закирова

Младший научный сотрудник Института Языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1
aigul.n.zakirova@gmail.com

Резюме. Грамматикализация оптативных форм и конструкций недостаточно изучена в типологической перспективе. Задача исследования – при помощи метода элицитации и анализа текстов описать синхронные свойства и путь грамматикализации оптативных конструкций в четырех марийских идиомах: моркинско-сернурском и волжском диалектах (< луговой марийский), а также горномарийских говорах с. Кузнецово и Микряково.

Рассматриваются конструкции, содержащие 1) императив 3 лица (юссив), 2) инфинитив на *-aš*, 3) форму не прошедшего времени 1 лица единственного числа (NPST.1SG), 4) дебитивную форму на *-šaš*. Для всех этих конструкций обсуждается возможность употребления с подлежащими 1SG и 3SG. Выясняется, что здесь марийские идиомы обнаруживают вариативность. Также парадоксальным образом обнаруживается, что оптативная конструкция с формой NPST.1SG используется с подлежащими 3SG.

Для описанных конструкций обсуждаются пути их грамматикализации: для этого используется метод междиалектного сравнения. Конструкция с императивом 3 лица развивается из формы императива, которая оказывается «смягчена» формой ретроспективного сдвига. Конструкция с инфинитивом возникает из независимых употреблений инфинитива, который в волжских диалектах начинает присоединять подлежащее 3 лица. Наибольший интерес представляет оптативная конструкция, развившаяся на базе формы NPST.1SG: мы предлагаем возможный механизм такой грамматикализации из контрфактивных употреблений. Наконец, еще одна оптативная конструкция развивается на основе дебитивной формы на *-šaš*.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01924 «Лингвистическая история Чувашско-Марийского Поволжья» (организация финансирования – Институт языкознания Российской академии наук). – <https://rscf.ru/project/22-28-01924/>. Автор благодарит Н.Р. Добрушину и А.В. Савельева за ценные замечания и комментарии к черновой версии текста.

Ключевые слова: грамматикализация, внутривидовая типология, оптатив, финно-угорские языки, луговой марийский язык, горномарийский язык, 1-е лицо, юссив, императив, инфинитив, дебитив.

Для цитирования: Закирова А.Н. Оптативные конструкции в луговых марийских и горномарийских идиомах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 2. С. 80–99. DOI: 10.31857/S1605788024020072

Optative Constructions in Meadow Mari and Hill Mari

© 2024 Aigul N. Zakirova

Junior Research Fellow at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
aigul.n.zakirova@gmail.com

Abstract. Grammaticalization of optative forms and constructions remains understudied from a typological perspective. The goal of this study is to describe and investigate the grammaticalization paths of optative constructions in four Mari lects, namely in Morki-Sernur Mari, Volga Mari (< Meadow Mari) and in the Hill Mari lects of Mikryakovo and Kuznetsovo.

The following constructions are considered: 1) construction with the 3rd person imperative (jussive) form, 2) construction with the *-aš*-infinitive, 3) construction with the non-past 1SG form (NPST.1SG), 4) construction with the debitive form in *-šaš*. The compatibility of these constructions with different subjects (namely, 1SG and 3SG) is discussed. As it turns out, the optative construction with jussive retains the restrictions of the original form: it is only possible with 3rd person subjects. The construction with the infinitive in three lects is only compatible with 1SG subjects, while in the Volga dialects it can be used with 3SG subjects as well. Paradoxically, the construction with NPST.1SG form is used with 3SG subjects. Finally, the optative use of the form in *-šaš* in Meadow Mari lects is restricted to 1SG subjects, whereas in Hill Mari it can be used with both 1SG and 3SG subjects.

Possible grammaticalization mechanisms for these constructions are discussed. The construction with jussive develops from the imperative form, which is “softened” by the retrospective shift particle. The optative construction with infinitive emerges from independent uses of the *-aš* infinitive. The most important for the diachronic typology of optative is the construction with the NPST.1SG form. I propose that it had grammaticalized from counterfactual uses of the NPST.1SG form. Finally, the fourth optative construction developed based on the debitive form in *-šaš*.

Acknowledgements. The study has been conducted with the help of the grant of the RSF № 22-28-01924 “The linguistic history of the Chuvash-Mari Volga region” (the supporting organization – Institute of Linguistics RAS). <https://rscf.ru/project/22-28-01924/> The author also thanks Nina Dobrushina and Alexander Savelyev for valuable remarks and comments on the draft version of the text.

Key words: grammaticalization, intragenetic typology, optative, Finno-Ugric languages, Meadow Mari, Hill Mari, first person, jussive, imperative, infinitive, debitive.

For citation: Zakirova, A.N. *Optativnye konstrukcii v lugovyh marijskikh i gornomarijskikh idiomah* [Optative Constructions in Meadow Mari and Hill Mari]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 2, pp. 80–99. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020072

1. Введение

Согласно определению Дж. Байби и ее соавторов, оптативные формы и конструкции выражают пожелание или надежду говорящего [1, p. 179]. Эта статья посвящена способам выражения пожелания и надежды говорящего в четырех мариjsких идиомах – двух луговых мариjsких и двух горномариjsких. В рассматриваемых идиомах нет специализированной синтетической формы оптатива, однако имеется несколько оптативных конструкций. В статье будут рассмотрены четыре такие конструкции, которые перечислены в таблице 1.

Таблица 1. Оптативные конструкции в мариjsких идиомах

№	Способ	Глагольная форма в составе конструкции
1	v-IMP.3 + (RETR)	Императив 3 лица (юссив)
2	v-INF-(POSS.2SG) + (RETR)	Инфинитив
3	v-NPST.1SG + RETR	Форма непрошедшего времени 1SG
4	v-šaš + (RETR)	Дебитивная форма на <i>-šaš</i>

Можно заметить, что конструкции в таблице 1 имеют параллельную структуру: они состоят из некоторой глагольной формы, основная функция которой отличается от оптативной, и показателя *ретроспективного сдвига* (в терминологии В.А. Плунгяна и Й. ван дер Ауверы [2]; [3]), который в большинстве этих конструкций опционален.

Примеры (1)–(4) иллюстрируют соответствующие конструкции. Заметим, что в (3) в оптативной конструкции с подлежащим 3 лица выступает именно форма непрошедшего времени 1-го лица единственного числа (NPST.1SG).

(1) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

oj, məj-əm piŋe košk-ən *kajə-že* əl'e!
INTJ я-ACC волк есть-СВВ **идти-IMP.3SG** RETR1
‘Ой, хоть бы волк пришёл и съел меня!’ (корпус).

(2) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (волжские говоры)

erla jüg *lij-aš-et* əl'e!
завтра дождь **становиться-INF-POSS.2SG** RETR1
‘Вот бы завтра дождь был!’ (элиц.)

(3) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (волжские говоры)

maksim erla *tol-am* əl'e!
Максим завтра **приходить-NPST.1SG** RETR1
‘Вот бы завтра Максим приехал!’ (элиц.)

(4) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Микряково)

vot mən' mad-ən näl-šāš (ə'le)!
 ВОТ я играть-СВВ взять-ДЕВ RETR1
 'Вот бы я выиграл(а)! (элиц.)'

Оптативной зоне в описаниях марийских диалектов уделяется сравнительно немного внимания. Некоторое исключение представляет собой обзор оптатива в горномарийском говоре с. Кузнецово, проведенный Д.Д. Мордашовой и А.Н. Закировой [4], в котором описываются некоторые из обсуждаемых здесь оптативных конструкций. В настоящей работе мы частично опираемся на вышеупомянутый источник. При этом изложенные в этой статье данные кузнецовского говора были собраны автором настоящей статьи, если не указано обратное. Источники данных по остальным идиомам перечисляются в разделе 2.

Таким образом, описательная ценность настоящей статьи состоит в том, что в ней рассматриваются и сравниваются между собой способы выражения оптативного значения, которые прежде не были подробно описаны в литературе по марийским диалектам. Для некоторых из описанных оптативных конструкций мы фиксируем нетривиальные ограничения на выражение и признаки подлежащего. Как в дистрибуции конструкций по диалектам, так и в поведении подлежащего рассматриваемые диалекты обнаруживают некоторую вариативность.

Выражение оптатива в марийских диалектах не только ценно с точки зрения описания, но и представляет интерес для диахронической типологии, так как в изучаемых диалектах обнаруживаются разнообразные и подчас нетривиальные источники грамматикализации оптатива. Среди конструкций, перечисленных в таблице 1, особенно любопытной представляется конструкция с формой NPST.1SG. В статье мы обсуждаем диахроническое развитие этих конструкций, используя для реконструкции данные междиалектного варьирования.

Статья имеет следующую структуру. Раздел 2 знакомит читателя с марийскими идиомами, на данных которых основывается исследование. Раздел 3 представляет собой теоретический обзор значений оптативной зоны в типологии и диахронии. Раздел 4 посвящен синхронному описанию оптативных конструкций в марийских идиомах. В разделе 5 рассматриваются возможные пути грамматикализации четырех рассматриваемых оптативных конструкций. В заключении подводятся итоги исследования.

2. Марийские идиомы, рассматриваемые в этом исследовании

Марийские диалекты относятся к финно-угорской ветви уральской языковой семьи. Они распространены главным образом в Республике Марий Эл (Российская Федерация), а также в Кировской области, Республике Башкортостан и Пермском крае. Некоторые диалектные классификации, например, приводимая в учебнике марийской диалектологии И.Г. Иванова [5], выделяют четыре диалектные группы – т.н. наречия: луговое, горное, восточное и северо-западное. В других классификациях выделяются две большие диалектные группы – восточная и западная, ср. работы П. Хайду [6] и Г. Берецки [7]. Взаимное соответствие этих классификаций показано в таблице 2.

Таблица 2. Диалектные классификации марийских идиомов и их взаимное соответствие

[5]	восточное наречие	луговое наречие	горное наречие	северо-западное наречие
[6]	восточная группа		западная группа	
[7]	восточная группа		западная группа	

На основе марийских диалектов сложились два литературных марийских языка – луговой марийский, в основе которого лежит моркинско-сернурский диалект лугового наречия, и горномарийский, который основан на горном наречии и используется в качестве официального языка в Горномарийском районе. Всероссийская перепись населения учитывает только владение этими двумя литературными нормами. Согласно Переписи-2010, число владеющих луговой литературной нормой составляет около 365 тыс. человек, а число владеющих горномарийской литературной нормой – около 23 тыс. человек.

В этой статье рассматриваются данные двух луговых марийских (восточных по П. Хайду и Г. Берецки) и двух горномарийских (западных) идиомов.

Данные были получены методом элицитации и с помощью анализа текстов. В некоторых случаях мы также обращаемся к грамматическим описаниям, текстам на литературном луговом марийском языке и электронному словарю марийского языка МарлаМутер. В таблице 3 перечислены основные источники данных для каждого говора.

Таблица 3. Идиомы, рассматриваемые в этом исследовании

Населенный пункт	Идиом	Источник данных
с. Старый Торъял Новоторьяльского района Республики Марий Эл	моркинско-сернурский диалект (луговое наречие) ≈ литературный луговой марийский	Устный корпус лугового марийского языка (УКЛМЯ)
пос. Сернур Сернурского района Респ. Марий Эл		Элицитация в социальных сетях (1 носитель)
дер. Чодыраял Волжского района Республики Марий Эл	волжский диалект (луговое наречие)	Элицитация в дер. Чодыраял в 2019 г. (4 носителя)
с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл	говор с. Кузнецово (горное наречие)	1) Элицитация в с. Кузнецово в 2016–2019 гг. (11 носителей) 2) Корпус горномарийских экспедиций в с. Кузнецово и окрестные деревни (КГЭК)
с. Микряково Горномарийского района Республики Марий Эл	говор с. Микряково (горное наречие)	1) Элицитация в с. Микряково в 2016–2019 гг. (8 носителей) 2) Корпус горномарийских экспедиций в с. Микряково и окрестные деревни (КГЭМ)

Можно заметить, что наша выборка не является максимально широкой: она включает только те луговые марийские и горномарийские диалекты, которые были нам доступны. Исследование оптативных конструкций в северо-западном и восточном наречиях, таким образом, остается делом будущего.

(5) БАГВАЛИНСКИЙ (< нахско-дагестанские)
den hanč'u-b b-as-ina:χ
я.ERG лгать-N N-говорить-IMPF-CVБ
'Чтобы я умер, если говорю неправду!' [11, с. 328–329]

3. Типология и диахрония оптатива

Прежде чем перейти к рассмотрению марийских данных, в этом разделе мы приведем краткий обзор оптативной зоны. Нас будет интересовать, во-первых, семантическое устройство этой зоны, во-вторых, возможные способы выражения оптатива в языках мира, и, в-третьих, возможные диахронические источники оптативных форм и конструкций.

В общих работах, посвященных типологии ТАМ-значений, например, в работе Дж. Байби и соавторов, а также в работе Ф. Палмера [1]; [8], оптативное значение обычно рассматривается как единое и неделимое. Более дробная классификация представлена, например, в работе Н.Р. Добрушиной [9], в которой предлагается выделять два семантических типа оптатива – перформативный и дезидеративный оптатив. *Перформативный* оптатив понимается как форма, которая используется в ситуациях благословения или проклятия, причем сам речевой акт, в котором используются такие формы, концептуализуется как попытка изменить положение вещей в мире с помощью обращения к высшим силам. Произнося же форму *дезидеративного* оптатива, говорящий лишь выражает свое желание, но признает, что на исполнение этого желания он никаким образом не может повлиять. Выводы Н.Р. Добрушиной основаны в основном на материале языков Кавказа, но, судя по приводимым в той же работе примерам из индоевропейских языков, противопоставление перформативного и дезидеративного оптатива встречается также в других языках мира и типологически релевантно. В работе В.Ю. Гусева [10] к оппозиции перформативного и дезидеративного оптатива добавляется также *ирреальный (контрфактивный)* оптатив – значение, описывающее желаемую ситуацию, которая уже никоим образом не может иметь место.

В нашей статье мы лишь вскользь касаемся семантических противопоставлений внутри оптативной зоны, перечисленных выше. Основной фокус работы – на средствах выражения оптатива в марийских диалектах, их формальных свойствах и диахронических источниках.

В языках мира оптативное значение может выражаться с помощью как спрягаемых глагольных форм, так и целых конструкций. Специализированная форма оптатива представлена, например, в багвалинском языке:

b-is-a-na:, de: w-ič'a-be-la!
N-найти-POT-COND я M-умереть-IMP-ОРТ

Специализированные оптативные формы в языках мира достаточно редки, за исключением двух ареалов – Кавказа и Непала [12]; [8]. В отсутствие специализированной формы оптативное значение может выражаться с помощью синтетических форм с более широкой функциональностью. Так, в уже упомянутой работе Н.Р. Добрушиной [9] показано, что в языках Дагестана перформативное оптативное значение и значение императива 3-го лица (юссива) нередко выражаются с помощью одних и тех же средств: например, такая картина наблюдается в агульском и лезгинском языках (< нахско-дагестанские).

Наконец, часто оптативное значение выражается с помощью особых конструкций, ср. английскую контрфактивную оптативную конструкцию *if only + had + V_{ed}* в примере (6), которая отличается от контрфактивного протасиса условной конструкции только на частицу *only*:

(6) АНГЛИЙСКИЙ

If only I had told them both a year ago!

‘Если бы я только сказал им обоим год назад!’ [13, p. 13]

В оптативных конструкциях иногда встречаются факультативные или обязательные частицы. Например, английская частица *only* в оптативных конструкциях обязательна:

(7) АНГЛИЙСКИЙ

a. *If you only knew* the power of the dark side

b. # *If you knew* the power of the dark side

‘Если бы ты только знал силу темной стороны!’ [13, p. 20]

Конструкциям типа (6), (7) посвящена обширная формальная литература – ср. диссертацию П. Гроса [13], статьи Дж. Рифкина [14] и М. Бизмы [15], в которых поднимается вопрос о возможности композиционного анализа оптативных конструкций, формально совпадающих с протасисом условной конструкции или отличающихся от них одним элементом.

В то время как некоторые оптативные конструкции, такие как *if only + had + V_{ed}*, имеют внешне прозрачную этимологию, о происхождении других конструкций известно не так много.

В работе Дж. Байби и соавторов [1] источники оптатива не рассматриваются из-за недостаточного объема выборки. В обзоре Дж. Садока и А. Звики [16, p. 164] лишь кратко перечисляются несколько возможных источников оптативных форм, а именно футуральные, императивные и условные формы, а также показатели сослагательных наклонений.

В справочнике по грамматикализации авторства Т. Кутевой и соавторов [17] рассматриваются

два случая грамматикализации оптатива: упоминается, что глагол ‘приходить’ в языке кьора (< койсанские) развился в гортативно-оптативный маркер [17, p. 93], а также что глагол ‘останавливаться’ в кру (< семья кру < нигеро-конголезские) развился в отрицательный императив / отрицательный оптатив [17, p. 413].

Еще два возможных источника упоминаются в работе Й. ван дер Ауверы и В.А. Плунгяна [18]. Это показатели возможности (ср. английское *may* в примере (8)) и необходимости (ср. русский модальный инфинитив, который чаще всего имеет прочтение необходимости, но также встречается и в контекстах типа (9)).

(8) АНГЛИЙСКИЙ

May your dreams *come* true!

‘Пусть твои мечты исполнятся!’ [18]

(9) РУССКИЙ

Жить вам до ста лет! [18]

В литературе, посвященной оптативному значению в отдельных языковых семьях и ареалах, также обсуждаются пути грамматикализации оптатива. В недавней статье М. Ванхове [19] иллюстрируется путь развития НЕОБХОДИМОСТЬ → ОПТАТИВ в языке беджа (< кушитские).

В работе Н.Р. Добрушиной [9] об оптативе в языках Дагестана обсуждаются, среди прочего, паттерны полифункциональности оптативных форм. Хотя их обсуждение ведется в синхронном ключе, оно также позволяет сделать выводы о возможных диахронических переходах между ними. Выясняется, что формы перформативного оптатива в языках Дагестана часто выражаются теми же средствами, что и формы императива (в частности, юссива). Формы перформативного оптатива, с другой стороны, обычно совпадают с ирреальными, условными и сослагательными формами.

В дальнейшем изложении (раздел 5) мы попытаемся установить источники оптативных конструкций в марийских диалектах и таким образом дополнить набор сценариев грамматикализации оптатива, который обнаруживается в типологической литературе.

4. Марийские оптативные конструкции и их синхронное устройство

Как уже было сказано в разделе 1, в марийских диалектах нет специализированной синтетической формы оптатива. Значение пожелания выражается с помощью форм с более широкой функциональностью, а также специализированных конструкций. Для удобства читателя повторим

еще раз таблицу 1, в которой перечислены средства выражения оптатива в марийских диалектах.

Таблица 1. Способы выражения оптативного значения в рассматриваемых идиомах

№	Способ	Глагольная форма в составе конструкции
1	v-IMP.3 + (RETR)	Императив 3 лица (юссив)
2	v-INF-(POSS.2SG) + (RETR)	Инфинитив
3	v-NPST.1SG + RETR	Форма непрошедшего времени 1SG
4	v-šas̄ + (RETR)	Дебитивная форма на -šas̄

Список, представленный в таблице 1, не является исчерпывающим: так, по крайней мере в горномарийских диалектах существуют также оптативные конструкции, формально совпадающие с протасисом условного предложения (10). Этот тип конструкций в марийских идиомах не рассматривается в настоящей статье из-за нехватки данных; впрочем, его устройство типологически достаточно ожидаемо.

(10) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 mən' inst'itut-šš pər-en-äm əlgecə!
 Я институт-ILL входить-PRET-1SG COND
 'Вот бы мне поступить в институт!' (букв.: 'Если бы я поступил в институт') [4, пример Д.Д. Мордашовой]

Все конструкции в таблице 1 содержат опциональный (или, в случае с конструкцией с формой NPST.1SG, обязательный) показатель ретроспективного сдвига. Под показателями ретроспективного сдвига (англ. *retrospective shift*) в работах В.А. Плунгяна и Й. ван дер Ауверы [2]; [3] понимаются такие показатели, которые, сочетаясь с разными видовременными формами, «сдвигают» интерпретацию высказывания в прошлое, не меняя видовременных свойств глагольной формы. Показатели ретроспективного сдвига имеются во всех марийских идиомах, причем в каждом идиоме их два: один соответствует форме аориста, а другой – форме претерита вспомогательного глагола *ulas̄* 'быть': ср. горномарийские *əl'ə* и *əl'ən*, луговые марийские *əl'e* и *ulmaš̄*. Показатели ретроспективного сдвига и их семантический вклад в прочтение индикативной глагольной формы иллюстрируются в примерах (11 а, б):

(11) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 mən' lə dəš-vlä-m sir-em.
 Я стихотворение-PL-ACC пишу нусать-NPST.1SG
 'Я пишу стихи' [20].

mən' lə dəš-vlä-m sir-em əl'ə/ əl'ən.

я стихотворение-PL-ACC *nucam̄-NPST.1SG RETR1 / RETR2*
 'Я писал стихи' [20].

В неиндикативных высказываниях в марийских идиомах ретроспективные показатели, по-видимому, вносят другой семантический вклад. Так, в оптативных высказываниях эти показатели «смягчают» высказывание, уменьшая его категоричность [4]; подобный эффект имеют и употребления показателей ретроспективного сдвига в императивных клаузах – ср. описание горномарийских императивных форм Д.Д. Мордашовой [21]. В этой статье мы не будем рассматривать подробно семантический вклад показателей ретроспективного сдвига в оптативных клаузах; заметим лишь, что ретроспективный показатель, восходящий к форме аориста от глагола 'быть' *əl'e* (г-мар. *əl'ə*), чаще используется в оптативных конструкциях, чем ретроспективный показатель, восходящий к форме перфекта глагола 'быть'. Конструкции с горномарийским *əl'ən* (перфект от глагола 'быть') имеют скорее контрфактивное прочтение [4], а луговой марийский показатель ретроспективного сдвига *ulmaš̄*, восходящий к нерегулярной форме перфекта от глагола 'быть', по нашим данным, в оптативных клаузах не употребляется вовсе.

Наконец, еще один вопрос, который необходимо обсудить, прежде чем мы перейдем к рассмотрению отдельных конструкций, – это выражение подлежащего в марийских оптативных конструкциях.

Как уже обсуждалось в разделе 1, оптативные конструкции передают желание говорящего, а не какого-то участника аргументной структуры клаузы¹. Таким образом, в принципе, говорящий вполне может желать, чтобы что-то случилось с любым референтом:

(12) РУССКИЙ

- Вот бы ты выиграл завтра!
- Вот бы я смог это сделать!
- Вот бы дождь закончился!

Однако, несмотря на логическую совместимость с подлежащим любого лица, конструкции,

¹ Этим оптатив отличается, например, от формы деидератива (желательного наклонения) на *-ne-*, которая передает желание субъекта клаузы и таким образом возможна только с подлежащим, денотат которого является мыслящим существом:

(i) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 xoza-na mām-nā-m šəšk-əl-ne-žə'
 хозяин-POSS.1PL мы-POSS.1PL-ACC бить-SEM-DES-3SG
 'Хозяйка нас хочет зарезать' (корпус).
 # 'Вот бы хозяйка нас зарезала!'

перечисленные в таблице 1, могут накладывать некоторые ограничения на подлежащие разных лиц и чисел. В некоторых случаях эти ограничения варьируются по диалектам. Например, конструкция V-IMP.3 + (RETR) не может сочетаться с подлежащими 1-го лица, а конструкция V-INF-(POSS.2SG) + (RETR), напротив, в большинстве рассматриваемых идиомов, кроме волжских говоров, возможна только с подлежащими 1-го лица. В волжских говорах эта конструкция может иметь подлежащее любого лица.

В этой статье для каждой конструкции мы рассмотрим ее грамматичность с подлежащими 1SG и 3SG, а затем попытаемся сопоставить наблюдаемые ограничения с диахронией каждой конструкции. Выбор подлежащих 1SG и 3SG связан с тем, что как минимум две из перечисленных конструкций содержат формы, имеющие отношение к 1-му лицу: это форма NPST.1SG и форма на *-šaš*, которая имеет особые употребления в 1-м лице – см. об этом доклады А.Н. Закировой [22]; [23] и описание Д.Д. Мордашовой и А.Н. Закировой [4]. Форма IMP.3 является формой третьего лица. С другой стороны, рассмотрение форм 2-го лица с неизбежностью привело бы нас к необходимости включить в исследование формы императива 2-го лица и пытаться в этих случаях провести границу между императивом и оптативом, что осложнило бы и без того объемную задачу. Формы 2-го лица, таким образом, остаются предметом дальнейшего исследования.

4.1. Конструкция с императивом 3-го лица:

V-IMP.3 + RETR

Как уже упоминалось в разделе 3, императив 3-го лица и перформативный оптатив могут выражаться в языках мира с помощью одних и тех же средств: такая полифункциональность встречается, например, в языках Дагестана [9]. Подобное совмещение функций имеет место и в марийских диалектах [24, с. 172]; [25, S. 123].

Так, в примере (13) из лугового марийского в функции императива 3-го лица используется синтетическая форма на *-že*²: говорящие передают своей дочери просьбу через посредника – председателя колхоза. Такая же форма есть и в волжских говорах.

(13) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

{Председатель колхоза просит родителей отпустить свою дочь работать в другой колхоз. Родители отвечают:}

² При подлежащем множественного числа в форме IMP.3 в луговых диалектах выступает алломорф *-əšt*; в горномарийских – алломорф *-əštə*.

joča-ž-эм *nəŋgajə-že*, vara *kajə-že*
ребенок-3SG-ACC **приносить-IMP.3SG** потом **идти-IMP.3SG**
'Пусть детей заберёт, тогда пусть идёт!' (т.е. говорящие не хотят, чтобы дети дочери остались с ними) (корпус).

Луговой марийской форме на *-že* соответствует горномарийская форма на *-žə*³, которая используется в говорах с. Кузнецово и Микряково в аналогичных контекстах передачи просьбы или приказа:

(14) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)

{Учитель сообщает родителю неуспевающего ученика условия, на которых он готов поставить ему удовлетворительную оценку за четверть:

cilä to-nə-š päšä-vlä-m *kandə-žə*
весь дом-IN2-ATTR работа-PL-AC **приносить-IMP.3SG**

'Пусть принесёт все домашние работы.'

Формы, проиллюстрированные в примерах (13), (14), встречаются также в контекстах перформативного оптатива – ср. луговой марийский пример (15) из детского фольклора, в котором говорящий, обращаясь к высшим силам, желает быстрого выздоровления ребёнка:

(15) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (литературный)

koršt-эм-əžo šem maska-lan *lij-že*,
болеть-NMZ-POSS.3SG чёрный медведь-DAT **становиться-IMP.3SG**

čeg-že sur pir-əlan *lij-že*,
болезнь-POSS.3SG серый волк-DAT **становиться-IMP.3SG**

izi tan'a vaške *tör-lanə-že*
маленький Таня скоро **прямой-MAN-IMP.3SG**

'Пусть боль чёрному медведю уйдёт, пусть болезнь серому волку уйдёт, пусть маленькая Таня быстрее поправляется' [26, с. 219–220]

В горномарийских говорах в контекстах перформативного оптатива (например, в поздравлении на открытке) также используется форма на *-žə*:

(16) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)

{Что же тебе пожелать?}

čäš-än *li-žə* əlā-mäš!
счастье-PROP **становиться-IMP.3SG** жить-NMZ

'Пусть будет счастливой жизнь!' (корпус)

Дезидеративный оптатив, который отличается от перформативного оптатива субъективным отсутствием контроля со стороны говорящего, обычно выражается немного иначе: к форме на *-že* присоединяется частица ретроспективного сдвига [24, с. 172]; [25, S. 123]. Повторим пример (1), иллюстрирующий эту конструкцию (здесь цитируется как (17)):

(17) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

oj, məj-эм pire kočk-ən *kajə-že* əl'e!
INTJ я-ACC волк есть-CVВ **идти-IMP.3SG** **RETR**

'Ой, хоть бы волк пришёл и съел меня!' (корпус).

³ После основ, в которых последний гласный – передний, выступает алломорф *-žə*.

В горномарийском языке дезидеративный оптатив выражается с помощью такой же конструкции:

(18) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 igod-ə̃m jüg *li-žə'* ə'ə'
 завтрашний_день-ACC дождь быть-IMP.3SG RETR1
 'Был бы завтра дождь!' (элиц.)

В оптативных контекстах, как и в юссивных, форма на *-žə* во всех исследуемых диалектах сочетается только с подлежащими 3-го лица: так, с подлежащим 1SG эта форма оказывается неграмматичной. Таким образом, можно сказать, что форма на *-žə* при оптативном прочтении сохраняет свои сочетаемостные свойства.

(19) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 *məj *sejə-žə* ə'e!
 я победить-IMP.3SG RETR1
 Ожидаемое значение: 'Вот бы я победил!' (элиц.)

В таблице 4 суммируются данные рассматриваемых идиомов.

Таблица 4. Оптативная конструкция с императивом 3-го лица: сочетаемость с разными подлежащими

	Луговой марийский (волжские говоры)	Луговой марийский (моркинско-сернурские говоры)	Горномарийский (говор с. Кузнецово)	Горномарийский (говор с. Микряково)
Возможные подлежащие	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG

4.2. Конструкция с инфинитивом: v-INF-POSS.2SG + (RETR)

Вторая из рассматриваемых конструкций имеет в составе форму инфинитива на *-aš*, которая часто дополнительно маркируется посессивным суффиксом 2SG *-et* (20). Посессивный суффикс 2SG в этой конструкции не указывает на лицо аргументов глагола; мы предполагаем, что его появление здесь диахронически связано с дискурсивными употреблениями показателя 2SG. Более подробно об этом см. раздел 5(b).

(20) луговой марийский (волжские говоры)
 erla ava-j *tol-aš-et'*
 завтра мама-KIN прийти-INF-POSS.2SG
 'Вот бы завтра мама приехала!' (элиц.)

Вне оптативной конструкции во всех рассматриваемых идиомах форма на *-aš* используется в типичных функциях инфинитивов: как

нефинитная форма при некоторых матричных предикатах (21), в контекстах цели (22) и в некоторых других функциях.

(21) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 tu-što vara pörjeŋ-šaməč dotovo *tumanl-aš* təŋal'-əč
 этот-LOC потом мужчина-PL до_того ругаться-INF начинать-AOR.3PL
 'А там мужики начали очень сильно ругаться' (корпус).

(22) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 a tide ver-əške kö *il-aš* tol-ən?
 CONJ этот место-ILL кто жить-INF прийти-PRET
 'А в это место кто пришёл жить?' (корпус)

Форма инфинитива в марийских диалектах обычно не может иметь своего подлежащего в номинативе. Возможность же оптативной конструкции с инфинитивом иметь номинативное подлежащее варьируется по диалектам. Так, во всех рассмотренных говорах возможна оптативная конструкция с невыраженным подлежащим 1-го лица:

(23) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 kogo *li-äš-et'*
 большой становиться-INF-POSS.2SG
 'Вот бы {мне} стать взрослым!' (элиц.)

(24) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (волжские говоры)
 ex *sej-aš-et'*
 INTJ победить-INF-POSS.2SG
 'Эх, вот бы {мне} победить!' (элиц.)

Однако в волжских говорах лугового марийского языка форма на *-aš-et* может употребляться также при выраженных субъектах с другими лично-числовыми признаками, например, при субъекте 3SG (20), (25):

(25) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (волжские говоры)
 erla jüg *lij-aš-et* (ə'e!)
 завтра дождь становиться-INF-POSS.2SG RETR1
 'Вот бы завтра дождь был!' (элиц.)

В обоих горномарийских говорах (26), а также в моркинско-сернурских идиомах (27) форма на *-aš-et* при субъекте 3SG, по-видимому, невозможна:

(26) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 *igod-ə̃m jüg *li-äš-et'*
 завтра-ACC дождь становиться-INF-POSS.2SG
 Ожид. знач.: 'Вот бы завтра был дождь!' (элиц.)

(27) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 *jüg *tol-aš-et'*
 дождь прийти-INF-POSS.2SG
 Ожид. знач.: 'Вот бы дождь пришел!' (элиц.)

Данные о конструкции с инфинитивом суммированы в таблице 5, из которой можно увидеть, что волжские говоры лугового марийского в отношении этой конструкции отличаются от

остальных: в них конструкция с инфинитивом может иметь выраженное подлежащее по крайней мере 3-го лица.

Таблица 5. Оптативная конструкция с формой инфинитива на -аӥ: сочетаемость с разными подлежащими

	Луговой мари́йский (волжские говоры)	Луговой мари́йский (моркинско-сернурские говоры)	Горнома́рийский (говор с. Кузнецово)	Горнома́рийский (говор с. Микряково)
Возможные подлежащие	1SG, 3SG	1SG, *3SG	1SG, *3SG	1SG, *3SG

Конструкция с формой непрошедшего времени 1-го лица: V-NPST.1SG + RETR

Третья конструкция, которую мы рассмотрим, — это конструкция с глаголом в застывшей форме NPST.1SG и показателем ретроспективного сдвига *ə'le*. Эта конструкция практически не упоминается в литературе, кроме работы Л.П. Васиковой [27], в которой приводятся примеры такой конструкции в литературном луговом мари́йском.

Рассмотрим подробнее форму лексического глагола в этой конструкции. Вне оптативной конструкции форма NPST.1SG маркирует действие, относящееся к плану настоящего (28) или будущего (29). Выбор между алломорфами *-am* и *-em* зависит от спряжения глагола, которое является его лексической характеристикой: глаголы первого спряжения присоединяют алломорф *-am*, глаголы второго спряжения — алломорф *-em*.

(28) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры, с. Старый Торъял)
zina, ʂog-al-Ø, mɛj **ul-am** man-am
Зина остановиться-АТТ-ИМП.2SG я **быть-NPST.1SG** говорить-NPST.1SG
'Зина, стой, это я, — говорю' (корпус).

(29) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры, с. Старый Торъял)
dvacatyj mart-əšte kandaʂlu kandaʂ ij-əm **tem-em**
двадцатый март-ИН восемьдесят восемь год-АСС **наполнить-NPST.1SG**
'Двадцатого марта восемьдесят восемь лет мне исполнится' (корпус).

В трех из рассматриваемых диалектов — это есть во всех, кроме говора с. Кузнецово, — форма NPST.1SG в сочетании с показателем ретроспективного сдвига также используется в оптативных контекстах. При этом форма NPST.1SG в оптативной конструкции является «застывшей», т.е. сохраняется в виде *-am / -em* с подлежащими другого лица и числа, например, с подлежащими 3SG (30), (31).

В говоре с. Кузнецово, как мы увидим в разделе 5, форма NPST.1SG тоже может использоваться с подлежащими 3SG, но в несколько отличных контекстах. В оптативных контекстах типа (30), (31) в кузнецовском говоре форма NPST.1SG не используется.

(30) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
erla jüŋ **lij-am** *ə'le!*
завтра дождь **становиться-NPST.1SG** RETR1
'Вот бы завтра был дождь!' (элиц.)

(31) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (волжские говоры)
maksim erla **tol-am** *ə'le!*
Максим завтра **приходить-NPST.1SG** RETR1
'Вот бы завтра Максим приехал!' (элиц.)

То, что перед нами действительно застывшая форма NPST.1SG, а не случайно совпавшая с ней другая модальная форма, подтверждается следующим фактом: отрицание в этой конструкции совпадает с отрицанием формы NPST.1SG: л. мар. *o-m* [NEG.NPST-1SG], г-мар. *a-m* [NEG.NPST-1SG] (32). При этом ни в каких других ТАМ-формах глагола отрицательный показатель не совпадает с отрицанием формы NPST.1SG.

(32) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
jüŋ **o-m** *lij* *ə'le!*
дождь NEG.NPST-1SG **становиться** RETR1
'Вот бы дождя не было!' (элиц.)

Любопытно, что подлежащее 1-го лица единственного числа в оптативной конструкции с формой NPST.1SG по крайней мере в некоторых диалектах невозможно. Так, конструкция в примере (33) интерпретируется не как оптативная, а как контрфактивная или ирреальная:

(33) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
sej-em *ə'le*
победить-NPST.1SG RETR1
'Я бы победил / я должен был победить {но по какой-то причине не победил}.
'Вот бы я победил!' (элиц.)

Таблица 6. Оптативная конструкция с формой на -am / -em: сочетаемость с разными подлежащими

	Луговой мари́йский (волжские говоры)	Луговой мари́йский (моркинско-сернурские говоры)	Горнома́рийский (говор с. Кузнецово)	Горнома́рийский (говор с. Микряково)
Возможные подлежащие	3SG; 1SG -- ?	*1SG; 3SG	конструкция отсутствует	3SG; 1SG -- ?

4.4. Конструкция с дебитивной формой на -šāš: V-šāš + (RETR)

Наконец, четвертая оптативная конструкция, которую мы рассмотрим, содержит полифункциональную форму на -šāš. Форма на -šāš имеет множество разных употреблений, причем в луговых марийских и горномарийских идиомах ее дистрибуция различается.

Достаточно частотный класс употреблений показателя -šāš – это употребления в роли футурального / дебитивного причастия, которые возможны как в атрибутивной, так и в предикативной позиции. В луговом марийском в таких контекстах выступает ничем не осложненный показатель -šāš (34), (35):

(34) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
ašā-šāš raša
 делать-DEB работа
 ‘работа, которая должна быть выполнена’ [28]

(35) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 mə čerke orol dene ške *kuṭərə-šāš ul-am*
 я церковь сторож с сам говорить-DEB быть-NPST.1SG
 ‘С церковным сторожем я должен поговорить сам’ (Марла Мутер)

В горномарийских идиомах футуральное причастие образуется с помощью сложного показателя -šāšlāk⁴, который представляет собой сочетание показателя -šāš с дестинативным суффиксом (суффиксом предназначения) -lāk.

(36) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
ke-šāšlāk sola
 идти-PTCP.DEB деревня
 ‘деревня, в которую нужно пойти’ (элиц.)

(37) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 mən’ *tol-šāšlāk* əl-am.
 я приходит-PTCP.DEB быть-NPST.1SG
 ‘Я должен прийти’ (элиц.).

Кроме того, у формы на -šāš в луговых марийских и горномарийских диалектах имеются употребления в качестве вершины независимой клаузы. Это, в частности, интенциональные / побудительные употребления, которые возможны только с подлежащим 1SG:

(38) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
kajə-šāš
 идти-DEB
 ‘Пойду-ка я’ (элиц.).

⁴ После основы с последним передним гласным показатель имеет вид -šāšlāk; ə не гармонирует.

(39) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 lapkaš *ke-šāš*
 магазин-ILL идти-DEB
 ‘Пойду-ка я в магазин’ (элиц.).

Наконец, во всех рассматриваемых идиомах имеются оптативные употребления формы на -šāš с факкультативной частицей ретроспективного сдвига.

В горномарийских идиомах с. Кузнецово и Микряково такая конструкция может иметь подлежащее любого лица и числа, в том числе 1SG и 3SG:

(40) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Микряково)
 vot mən’ *mad-ən* *nül-šāš* (ə’ə’!)
 вот я играть-CVB взять-DEB RETR1
 ‘Вот бы я выиграл(а)!’ (элиц.)

(41) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Микряково)
 juḡ *cärnə-šāš* (ə’ə’!)
 дождь остановиться-DEB RETR1
 ‘Вот бы дождь перестал!’ (элиц.)

С другой стороны, в луговых марийских идиомах эта форма используется только с подлежащим 1SG:

(42) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (литературный)
 keč tora gəč pel šinča dene *už-šāš* ə’ə’
 хоть расстояние из половина глаз с видеть-DEB RETR1
 ‘Увидеть бы хоть издали одним глазом’ [28]

(43) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 *juḡ *lij-šāš* ə’ə’!
 дождь становиться-DEB RETR1
 Ожид. знач.: ‘Вот бы дождь пошел!’ (элиц.)

В таблице 7 обобщены данные о конструкции с формой на -šāš: из нее видно, что в горномарийских идиомах эта конструкция возможна с более широким кругом подлежащих, чем в луговых марийских идиомах.

Таблица 7. Оптативная конструкция с формой на -šāš: сочетаемость с разными подлежащими

	Луговой марийский (волжские говоры)	Луговой марийский (моркинско-сернурские говоры)	Горномарийский (говор с. Кузнецово)	Горномарийский (говор с. Микряково)
Возможные подлежащие	1SG, *3SG	1SG, *3SG	1SG, 3SG	1SG, 3SG

4.5. Синхронные данные оптативных конструкций: обобщение

Таблица 8 суммирует данные разделов 4.1–4.4.

Таблица 8. Оптативные конструкции в марийских идиомах: обобщение

Конструкция	Форма глагола	ЛМ (волжские говоры)	ЛМ (моркинско-сернурские говоры)	ГМ (говор с Кузнецово)	ГМ (говор с Микряково)
v-IMP.3 + RETR	Императив 3 лица (юссив)	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG
v-inf- (poss.2sg) + (retr)	Инфинитив	1SG, 3SG	1SG, *3SG	1SG, *3SG	1SG, *3SG
v-npst.1sg + retr	Форма NPST.1SG	3SG 1SG -- ?	*1SG, 3SG	-	3sg 1sg -- ?
v-šaš + (RETR)	Дебитивная форма на -šaš	1SG, *3SG	1SG, *3SG	1SG, 3SG	1SG, 3SG

В каждом из рассмотренных марийских идиом имеется по меньшей мере по 3–4 способа выражения оптативного значения. В частности, во всех идиомах в оптативных контекстах используется конструкция с формой императива 3-го лица. Подлежащее в этой конструкции может быть только 3-го лица. Конструкция с инфинитивом на *-aš* и опциональным посессивным показателем *-et* также встречается во всех рассмотренных диалектах. В большинстве диалектов она возможна с подлежащим 1-го лица, но в волжских говорах сочетается и с подлежащим 3-го лица. Конструкция с «застывшей» формой NPST.1SG присутствует в трех из рассмотренных идиомов и сочетается с подлежащим 3-го лица. Наконец, конструкция с формой на *-šaš* присутствует во всех рассмотренных идиомах; в луговых она возможна только с подлежащим 1-го лица, а в горномарийских имеет более широкую сочетаемость и возможна также с подлежащими 3-го лица.

5. Диахрония оптативных конструкций

В предыдущем разделе мы рассмотрели синхронные данные оптативных конструкций в марийских языках. Рассмотрим теперь возможную диахроническую мотивацию, которая может стоять за развитием этих конструкций.

а. Конструкция с императивом 3-го лица: v-IMP.3 + (RETR)

Повторим пример (1), иллюстрирующий эту конструкцию (здесь цитируется как (44)):

(44) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

oj, məj-əm pire košk-ən *kaja-že* əl'e!
INTJ я-ACC волк есть-CVB **идти-IMP.3SG** RETR1
'Ой, хоть бы волк пришёл и съел меня!' (корпус).

Оптативная конструкция с императивом 3-го лица, судя по ее паттернам полифункциональности, представляет собой расширенное употребление юссивной формы на *-že*. Для формы перформативного оптатива, судя по обсуждению в статье Н.Р. Добрушиной [9], это закономерно.

В контекстах дезидеративного оптатива форма на *-že* дополнительно маркируется ретроспективным показателем. Использование ретроспективного показателя как способ уменьшения категоричности высказывания обнаруживается в марийских диалектах не только в оптативных конструкциях, но и в императивных (см. раздел 4.1). Таким образом, хотя случаи грамматикализации дезидеративного оптатива из формы императива 3-го лица не описаны в известной нам литературе, развитие дезидеративного оптатива из императива 3-го лица и ретроспективной частицы для марийских идиомов представляется правдоподобным.

в. Конструкция с инфинитивом на *-aš*: v-INF-POSS.2SG + (RETR)

Повторим пример такой конструкции (20), цитируемый здесь как (45).

(45) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (волжские говоры)
erla ava-j *tol-aš-et!*
завтра мама-KIN **прийти-INF-POSS.2SG**
'Вот бы завтра мама приехала!'

Употребление инфинитива в оптативной конструкции имеет параллель в русском языке — сослагательный инфинитив [29, с. 81–89]; [30], ср. пример (46), цитируемый в статье Е.В. Падучевой [30]:

(46) РУССКИЙ

Провалиться вам! — сердито сказал Гейгер. [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Град обреченный (1972)]

Отличие марийской оптативной конструкции от сослагательного инфинитива в русском языке состоит, во-первых, в том, что подлежащее кодируется в нем номинативом, а не дативом, а во-вторых, в том, что в марийской конструкции, помимо субъекта и глагола в инфинитиве, присутствует дополнительный морфологический материал — суффикс *-et*.

Основная функция показателя *-et* в марийских диалектах — это маркирование посессивного отношения 2SG ('твой'). Собственно посессивные употребления иллюстрируются в примерах из марийской грамматики А. Алхониеми [25, S. 72–75]:

л. мар. *vüid-et* [вода-poss.2sg] ‘твоя вода’, *кепк-et* [кепка-poss.2sg] ‘твоя кепка’, г-мар. *әлә-mäš-et* [жить-NZR-poss.2sg] ‘твоя жизнь’. К посессивным восходят также употребления *-et* на нефинитных формах, которые маркируют лицо и число одного из аргументов этой формы: ср. л. мар. *kaj-aš-et žap* [уйти-INF-poss.2sg время] ‘время тебе уйти’ [25, S. 72–75].

Помимо маркирования собственно посессивных отношений показатель *-et* также имеет дискурсивные употребления, в которых этот показатель может присоединяться к именным группам, не имеющим посессора 2-го лица единственного числа. В частности, в грамматике Алхониеми [25, S. 75] предлагается считать, что суффикс POSS.2SG маркирует определенность, хотя чаще в этой функции в марийских диалектах выступает суффикс 3SG [31]. Дискурсивные употребления посессивного суффикса 2SG также есть в других уральских языках — например, в хантыйском и нганасанском [32]; [33]. В работе Г.М. Тужарова [34, с. 66–67] говорится об употреблении суффиксов 2SG и 3SG как «указательно-выделительных, эмфатических, эмоционально-экспрессивных частиц», которые «выражают обсуждаемый предмет более наглядно, осязательно и эмоционально». Суффиксы 2SG и 3SG, согласно Тужарову, «в роли частиц могут присоединяться ко всем склоняемым частям речи <...>, к инфинитиву, причастию, деепричастию, в редких случаях даже к личной форме глагола».

Показатель *-et* в оптативной конструкции оказывается затруднительно трактовать как посессивный показатель, указывающий на лицо и число аргумента, как в цитируемом выше примере *kaj-aš-et žap* [уйти-INF-poss.2sg время] ‘время тебе уйти’. Трудность состоит в том, что в таком случае мы бы не наблюдали показатель 2SG, например, при субъекте 3SG. Однако пример (45) показывает обратное: показатель *-et* в нем употребляется с подлежащим 3SG. На наш взгляд, использование посессивного суффикса 2SG *-et* в оптативной конструкции скорее может быть связано с его дискурсивными употреблениями. В частности, описанное выше «эмоционально-экспрессивное» прочтение суффикса *-et* может иметь отношение к оптативной семантике изучаемой конструкции. Впрочем, это предположение нуждается в большей формализации и дальнейшем изучении.

с. Конструкция V-NPST.1SG + RETR

Повторим для удобства читателя пример (30), цитируемый как (47).

(47) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

erla jüg *lij-am* ә'le!
завтра дождь становиться-NPST.1SG RETR1
‘Вот бы завтра был дождь!’ (элиц.)

Использование формы NPST.1SG в оптативных конструкциях с подлежащим 3SG, как в (47), представляется неожиданным и требует объяснения. Нам не известно других случаев, когда формы с оптативным значением восходят к формам NPST.1SG, однако известны случаи, когда в различных языках мира другие ТАМ-формы содержат в себе показатели 1SG.

Например, в тюркских языках встречаются проспективные конструкции, содержащие глагол в форме 1SG [35]. По всей видимости, диахронически они восходят к конструкциям передачи чужой речи. Об этом свидетельствует наличие в составе этих конструкций деепричастия от глагола ‘говорить’, ср. примеры (48), (49) из турецкого и татарского:

(48) ТУРЕЦКИЙ

kiremit *düş-eceğ-im di-yip / de-yip dur-u(r)*
кирпич падать-FUT.1SG сказать-СВБ сказать-СВБ стоять-AOR
‘Кирпич вот-вот упадет.’ (букв.: ‘Кирпич стоит, говоря: «Я упаду»’) [35]

(49) ТАТАРСКИЙ⁵

bu agaç *awa-m awa-m di-p tor-a*
это дерево упасть-PRS.1SG упасть-PRS.1SG сказать-СВБ стоять-PRS.3SG
‘Это дерево вот-вот упадет’ (букв.: ‘Это дерево стоит, говоря: «Я упаду-упаду»’, элиц.)

Конструкция, калькирующая татарскую, теоретически могла появиться в марийских идиомах в результате интенсивных языковых контактов с татарским языком, которые и в самом деле имели место [36]. По аналогии с ситуацией в турецком и татарском можно представить, что и марийская форма NPST.1SG претерпела развитие из конструкции передачи чужой речи в проспектив. Затем проспективное значение (возможно, через стадию более общего значения будущего времени) могло развиваться в оптативное: вспомним, что среди возможных источников оптативных форм, перечисленных в обзоре Дж. Садока и А. Звики [16, р. 164], упоминаются формы будущего времени.

Однако это рассуждение оказывается проблематичным. Во-первых, в марийских идиомах не засвидетельствовано конструкций, в которых застывшие формы 1SG функционировали бы как показатели намерения или ближайшего будущего.

⁵ Пример получен автором от носителей литературного татарского языка.

Во-вторых, в тюркских языках проспективные конструкции содержат дополнительный морфологический материал – деепричастие от глагола ‘говорить’ и матричный глагол ‘стоять’. Марийская же оптативная конструкция *v-NPST.1SG + RETR* не содержит материала, свидетельствующего о происхождении этой конструкции из конструкции передачи чужой речи. Таким образом, предложенная выше гипотеза о развитии оптативной конструкции из конструкций типа (48) (49) представляется нам маловероятной.

Вторая параллель обнаруживается в коптском языке⁶, где есть глагольная форма, которая выражает следствие какого-либо события (50). Показатель этой формы, который здесь глоссируется как *PROM* (промиссив), восходит к морфеме каузатива *1SG*, то есть буквально форма *tare-tn-cine* [*PROM-2PL-найти*] означает ‘я заставлю вас найти’ или ‘я позволю вам найти’.

(50) КОПТСКИЙ

<i>ʃine</i>	<i>tare-tn-cine</i>
искать. <i>IMP</i>	<i>PROM-2PL-найти</i>

‘Ищите и обрящете’ [37, р. 284, глоссы Э. Гроссмана]

Форма промиссива, по-видимому, имеет фу-туральную референцию, как и тюркские проспективные формы. Однако сложно представить себе, как коптский сценарий мог бы быть применен к марийскому материалу: в частности, нет оснований полагать, что марийские показатели *NPST.1SG* имеют отношение к каузативу.

Мы предлагаем другой сценарий развития оптативной конструкции с формой *NPST.1SG*. Согласно этому сценарию, грамматикализации подверглась не отдельная форма *NPST.1SG*, а целое сочетание *NPST.1SG + RETR*.

(51) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)

<i>irgod-ə̄m</i>	<i>ə̄ʃkal-ə̄m</i>	<i>a-m</i>	<i>orolə̄</i>	<i>ə̄l'ə̄/</i>	<i>*ə̄lən</i>
завтрашний_день-ACC	корова-ACC	<i>NEG.NPST-1SG</i>	пасти	<i>RETR1</i>	<i>RETR2</i>
<i>gən', mən', tā</i>	<i>don-da</i>	<i>päšä-l-em</i>		<i>ə̄l'ə̄/</i>	<i>*ə̄lən</i>
если я вы	<i>c-POSS.2PL</i>	<i>работа-DENOM-NPST.1SG</i>		<i>RETR1</i>	<i>RETR2</i>

‘Если бы я завтра не пасла коров, я бы с вами поработала’ [38]

(54) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)

<i>tə̄dä</i>	<i>mə̄lām</i>	<i>ni-mat</i>	<i>porə̄de,</i>	<i>iziš</i>	<i>xot'</i>	<i>anzə̄c-rak</i>
тот	<i>я.DAT</i>	<i>NEG-что.ADD</i>	сказать- <i>NEG.PRET.3SG</i>	немного	<i>PTCL</i>	перед- <i>CMPR</i>
<i>keles-äl-äm</i>	<i>ə̄l'ə̄</i>					
сказать- <i>ATT-NPST.1SG</i>	<i>RETR1</i>					

‘Она мне ничего не сказала, хоть заранее немножко рассказала бы’ (элиц.)

⁶ Автор благодарит Эйтана Гроссмана, который указал на существование в коптском языке формы на *-tare*, а также поделился примерами, нужными ссылками и своим взглядом на диахронию этой формы. В статье мы придерживаемся его анализа и используем предложенный им типологический ярлык «промиссив».

Сочетание формы *NPST* с показателем ретро-спективного сдвига как в луговых марийских, так и в горномарийских диалектах имеет ирреальную или контрфактивную интерпретацию [25, S. 117, 38]. В примере (51) это сочетание выступает в протасисе и аподосисе условной конструкции, в (52) – в ирреальном контексте.

(52) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

<i>pa:za:q-ə̄ʃ</i>	<i>kaj-em</i>	<i>ə̄l'e,</i>	<i>oksa-m</i>	<i>uke</i>
базар- <i>ILL</i>	<i>идти-NPST.1SG</i>	<i>RETR1</i>	деньги- <i>POSS.1SG</i>	<i>NEGEX</i>

‘Пошёл бы на базар, да у меня денег нет’ (Марла Мутер)

В примерах типа (51), (52) формы *1SG* согласуются с подлежащим *1SG*. Однако существуют контрфактивные употребления сочетания *NPST.1SG + RETR*, в которых форма *1SG* неожиданно выступает с подлежащими *3SG*. Так, в примере (53), выражающем контрфактивное предпочтение, обе глагольные словоформы семантически относятся к одному и тому же подлежащему *3SG*. Однако вторая форма глагола, которая выражает предпочтительное действие, маркируется в нем показателем *1SG*.

(53) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

<i>ʃ_{3SG} ə̄ʃ</i>	<i>šiz-tar-e</i>	<i>vet,</i>	<i>ʃ_{3SG} keč</i>	<i>šinča-m</i>
<i>NEG.AOR.3SG</i>	чувствовать- <i>CAUS-AOR</i>	<i>PTCL</i>	<i>PTCL</i>	глаз- <i>ACC</i>

püjal-am *ə̄l'e!*
подмигнуть-*NPST.1SG* быть.*AOR.3SG*
[Она] не предупредила же, [она] хоть глазом подмигнула бы! (Марла Мутер)

Примеры типа (53) грамматичны как в луговых марийских диалектах, так и в горномарийских, в том числе в говоре с. Кузнецово.

Пример (53) отличается от оптативных примеров типа (47) по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, он имеет контрфактивное прочтение (предпочтительное событие не произошло),

во-вторых, подлежащее в нем одушевленное. Мы не располагаем данными, которые позволили бы точнее определить, каким из этих различий обусловлена разница грамматичности примеров (53) и (47) в кузнецовском говоре.

Однако исходя из того, что конструкции типа (53) имеются во всех рассматриваемых идиомах, можно предположить, что в (53) представлена исходная конструкция, которая затем во всех диалектах, кроме кузнецовского говора, дала оптативные употребления типа (47). Мы предполагаем, что в исходной конструкции имеет место сдвиг перспективы при переходе ко второй клаузе (*perspective shift*, см. статью С. Спронка и соавторов [39]). Таким образом, по нашему предположению, буквально пример (53) устроен следующим образом:

(55) *Она не предупредила, {на ее месте я} хоть глазом бы подмигнула.*

Дальнейшее развитие этой конструкции может, по нашему предположению, заключаться в инсубординации второй клаузы, которая при этом начинает употребляться в большем числе контекстов. В частности, она теряет элемент контрфактивности и /или расширяется на неодушевленные субъекты. Чтобы более точно описать развитие конструкций типа (53) в оптативную конструкцию, необходимо более тщательное исследование.

**d. Конструкция с дебитивным показателем -šāš:
V-šāš + (RETR)**

Повторим пример конструкции с формой на -šāš (40), далее цитируемый как (56), а также примеры (35) и (37) с дебитивным причастием в предикативной позиции (далее (57), (58)).

(56) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Микряково)
vot mən' mad-ən nül-šāš (əTə)!
вот я играть-субв взять-ДЕВ RETR I
'Вот бы я победил!' (элиц.)

(57) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
məj čerke otol dene ške kutərə-šāš ul-am
я церковь сторож с сам говорить-ДЕВ быть-NPST.1SG
'С церковным сторожем я должен поговорить сам' (Марла Мутер)

(58) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
mən' tol-šāšlək əl'am.
я приходит-РТСР.ДЕВ быть-NPST.1SG
'Я должен прийти' (элиц.)

Развитие оптативной конструкции типа (56) из формы на -šāš, у которой имеются некоторые дебитивные употребления, с одной стороны, типологически кажется возможным, ср. путь грамматикализации из дебитивных форм в оптативные,

(61) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
keč tora gəč pel šinča dene uš-šāš əl'e
хоть расстояние из половина глаз с видеть-ДЕВ RETR I
'Увидеть бы хоть издали одним глазом' [28]

упомянутый в статье Й. ван дер Ауверы и В.А. Плуногяна [18].

Однако объяснение, при котором дебитивные употребления типа (57), (58) развиваются в оптативные употребления типа (56), сталкиваются со следующими возражениями. Во-первых, если возводить примеры типа (56) к предикативным употреблениям причастий ('Я тот, который должен выиграть'), то нужно объяснить отсутствие в (56) глагола-связки: в предполагаемой исходной структуре он обязателен, ср. горномарийский пример (59); то же верно для луговых марийских идиомов. Во-вторых, в горномарийском в функции причастия выступает форма с показателем -šāšlək (58), в то время как в оптативной конструкции используется форма на -šāš.

(59) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
*mən' tol-šāšlək
я приходит-РТСР.ДЕВ
'Я должен прийти' (элиц.)

Таким образом, нам кажется маловероятным, что оптативные конструкции с формой на -šāš развились из дебитивных причастий в позиции предиката. Однако, как уже упоминалось в разделе 4.4, формы на -šāš имеют также употребления в качестве вершины независимой клаузы, ср. пример (38), цитируемый как (60).

(60) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
kajə-šāš
идти-ДЕВ
'Пойду-ка я'. (элиц.)

В луговых марийских диалектах форма на -šāš используется в оптативной функции в сочетании с частицей ретроспективного сдвига, ср. пример (42), далее цитируемый как (61). Как уже было сказано в разделе 4.4, в луговых марийских диалектах в этой конструкции может выступать только подлежащее 1SG. Можно предположить, что в сочетании с интенциональными / побудительными употреблениями 1-го лица типа (60) семантический вклад ретроспективной частицы состоит в «смягчении», уменьшении категоричности формы. Таким образом интенциональная / побудительная форма получает оптативное прочтение, как мы уже видели ранее с формами императива 2-го и 3-го лица.

В горномарийских идиомах с. Микряково и с. Кузнецово форма на *-šaš* в независимых клаузах имеет более широкую дистрибуцию, чем в луговых марийских. Так, в горномарийских диалектах она может использоваться в контекстах «контрфактивного предпочтения» (62). В таком случае она относится не к первому лицу, а к другим лицам, например, 3SG. В рассматриваемых луговых диалектах таких употреблений нет.

(62) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 (*tǝ dǝ) ǝškǝ-lǎn-žǝ kačk-aš šolta-šaš.
 тот REFL-DAT-POSS.3SG есть-INF готовить-ДЕВ
 {Что он ходит голодный?} 'Готовил бы себе еду' (элиц.)

Можно представить себе, что горномарийские оптативные употребления, которые совместимы с любыми подлежащими, возникли из употреблений типа (62). Такое развитие было бы параллелью к сценарию развития конструкции с формой *nrst.3sg*, который был предложен выше. Дополнительный аргумент в пользу такого пути развития конструкции с формой на *-šaš* заключается в том, что оптативные конструкции с подлежащими любого лица существуют только в тех диалектах, где имеются употребления типа (62).

Наконец, обсудим происхождение самого маркера *-šaš*. В имеющейся литературе оно не установлено с достаточной степенью надежности. В исторической грамматике И.С. Галкина [40, с. 166] предлагается следующая этимология: показатель *-šaš* состоит из двух показателей, а именно *-še* и *-aš*. Первый показатель, *-še*, является показателем причастия настоящего времени. Второй, *-aš*, встречается в атрибутивизованных формах типа *ikijaš* 'одногодка, годовалый'. Не вполне ясно, впрочем, почему эта комбинация должна давать значение долженствования или будущего времени. Не встречается в языках Поволжья и параллелей такого развития.

Можно предложить другую этимологию, указанием на которую мы обязаны А.В. Савельеву: форма на *-šaš* — это морфологическое заимствование из чувашского языка. В чувашском языке имеется условно-временное деепричастие на *-sassən* (стяженная форма *-san*): [41, с. 248]

(63) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧУВАШСКИЙ
 Сумяр сү-сассән
 дождь идти-COND.CVB
 'если пойдёт дождь,...' (пример А.В. Савельева)

Деепричастие на *-sassən* имеет в своем составе адвербиализатор *-(ə)n*, который регулярно присоединяется к причастным формам. В таком случае можно предполагать на некоторой более ранней стадии развития чувашского языка причастный

суффикс **-sas*, который при заимствовании в марийские диалекты дал бы *-šaš*, ср. регулярный переход *s > š* [7, S. 53]. Показатель *-sas* в чувашском, по-видимому, восходит к сочетанию оптативного расширителя глагольной основы **-sa-* (который в чувашском в других контекстах не зафиксирован) [42, с. 435] и показателя причастия будущего времени *-as*. Структурной параллелью к данной форме является общетюркское причастие долженствования на *-sar* [42, с. 351], восходящее к сочетанию того же оптативного *-sa-* и аориста на *-ar*.

Чувашская форма на *-sassən* (*-san*) в сочетании с копулой *=čče* также может использоваться в оптативном значении, ср. в работе И.П. Павлова [41]: «Как сказуемое простого предложения, оно выражает сильное, даже невыполнимое желание говорящего лица в совершении того или иного действия-условия» (64).

(64) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧУВАШСКИЙ
 Эх, Николай Петрович, пёл-сен=ччё эсир...
 INTJ Николай Петрович знать-COND.CVB=RETR вы
 'Эх, Николай Петрович, знали бы вы...' [41]

Путь грамматикализации, который мы предложили в этом разделе для марийского *-šaš*, совместим с идеей, что *-šaš* — это заимствованный из чувашского причастный показатель **-sas*. Однако примеры типа (64) структурно отличаются от оптативных употреблений марийского *-šaš*. Таким образом, мы предполагаем, что оптативная конструкция с формой на *-šaš* развилась другим путем, чем чувашская конструкция в (64): марийские диалекты заимствовали из чувашского языка морфему, но не ее оптативные употребления.

6. Заключение

В статье мы рассмотрели оптативные конструкции в четырех марийских диалектах. Все эти конструкции состоят из формы лексического глагола и частицы ретроспективного сдвига. Большинство из них ранее не были подробно описаны в литературе.

Мы определили формы лексического глагола, входящие в состав рассмотренных оптативных конструкций, и рассмотрели возможные механизмы их грамматикализации.

Выяснилось, что форма императива 3-го лица (юссива) в оптативных контекстах ведет себя предсказуемо как с формальной точки зрения, так и с семантической. Так, она сочетается только с подлежащими 3-го лица, то есть сохраняет сочетаемость формы юссива. Без ретроспективного показателя она имеет скорее перформативное прочтение, а с ретроспективным

показателем – дезидеративное: по-видимому, ретроспективный показатель имеет в оптативной конструкции функцию «смягчения категоричности». Таким образом, применительно к форме юссива оказывается необязательно постулировать особую оптативную конструкцию.

Остальные рассмотренные случаи оказались менее прозрачными. Так, **форма инфинитива на -аӑ** в большинстве идиомов не имеет выраженного подлежащего и может относиться только к подлежащему ISG. Однако в волжских говорах при ней возможно выраженное подлежащее других лиц и чисел. **Форма NPST.ISG** имеет особое, оптативное прочтение с подлежащими 3-го лица, что позволяет считать такое сочетание оптативной конструкцией. Наконец, **форма на -ӑаӑ** в независимом употреблении не имеет выраженного подлежащего (кроме подлежащего ISG), но в горномарийских диалектах оказывается совместимой с подлежащими 3SG. На наш взгляд, это также аргумент в пользу статуса конструкции.

Настоящее исследование также расширяет и дополняет список потенциальных источников грамматикализации оптатива. Так, форма NPST.ISG и форма на -ӑаӑ, по нашему предположению, иллюстрируют похожие пути развития оптативной конструкции из глагольных форм, маркирующих предпочтительное действие. При этом других примеров грамматикализации конструкции с формой NPST.ISG в оптатив нам не известно.

Выводы, к которым мы пришли в этой статье, основаны на междиалектном сравнении оптативных конструкций: реконструкция способов выражения оптативного значения главным образом основана на дистрибуции форм и конструкций в диалектах. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть предложенные пути развития, следует рассмотреть данные еще нескольких марийских диалектов.

Любопытно, что по крайней мере в некоторых диалектах чувашского языка, который находится в ситуации языкового контакта с марийскими идиомами [43], оптативные конструкции выглядят похожим образом. Например, в малокарачкинском диалекте [44]; [45] футурально-причастные, инфинитивные и финитные презентные формы глагола могут в сочетании с ретроспективной клитикой =*teə/teĕ* иметь оптативные прочтения. В дальнейшем исследовании марийские оптативные конструкции имеет смысл подробнее сравнить с чувашскими.

АТТ – аттенуатив, АТТР – атрибутивизатор, CAUS – каузатив, COND – кондиционал, CONJ – союз, CMPR – компаратив, CVB – конверб, DAT – датив, DEB – дебитив, DES – дезидератив, ERG – эргатив, EX – бытийная копула, FUT – будущее время, ILL – иллатив, IMP – императив, IMPF – имперфектив, IN – инессив, INF – инфинитив, INTJ – местоимение, KIN – показатель родства, LOC – локатив, M – мужской класс, MAN – суффикс, образующий глаголы способа, N – средний класс, NEG – отрицание, NMZ – номинализация, NPST – непрошедшее время, OPT – оптатив, PL – множественное число, POSS – посессив, POT – потенциалис, PRET – претерит, PROM – промиссив, PROP – проприетив, PRS – презенс, PTCL – частица, PTCP – причастие, RETR – ретроспективный сдвиг, SG – единственное число, SIM – симилятив.

ИСТОЧНИКИ

- Устный корпус лугового марийского языка [электронный ресурс, 11647 словоупотреблений] // URL: http://lingconlab.ru/spoken_meadow_mari/, дата обращения 6.12.2023
- Корпус горномарийских экспедиций в с. Микряково [частная коллекция, ок. 22700 словоупотреблений]
- Корпус горномарийских экспедиций в с. Кузнецово [электронный ресурс, 63522 словоупотребления] // URL: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>, дата обращения 6.12.2023
- Агрегатор онлайн словарей марийского языка МарлаМутер [электронный ресурс] // URL: <https://marlamuter.com/muter/ru/%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA>, дата обращения 6.12.2023

SOURCES

- Spoken corpus of Meadow Mari (11647 tokens). URL: http://lingconlab.ru/spoken_meadow_mari/search, accessed 6.12.2023
- Mikryakovo Hill Mari field corpus [private collection, appr. 22700 tokens]
- Kuznetsovo Hill Mari field corpus (63522 tokens). URL: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>, accessed 6.12.2023
- Aggregator of online dictionaries of Mari MarlaMuter. URL: <https://marlamuter.com/muter/ru/%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA>, accessed 6.12.2023

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, ACC – аккузатив, ADD – аддитив, AOR – аорист,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bybee J.L., Perkins R.D., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the

- languages of the world (Vol. 196). Chicago: University of Chicago Press, 1994.
2. Плу́нган В.А. Антирезультатив: до и после результата // В.А. Плу́нган (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
 3. Plungian V.A, van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung 59(4): 317–349. 2006.
 4. Мордашова Д.Д., Закирова А.Н. Оптативная зона // Е.В. Кашкин (отв. ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М., 2023. С. 366–372.
 5. Иванов И.Г. Марий диалектологий // Университетсе студент-влаклан тунемме книга. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1981 [На мар. яз.]
 6. Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985.
 7. Berczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte. Т. 1. Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, 1994.
 8. Palmer F.R. Mood and modality. Cambridge university press, 2001.
 9. Dobrushina N. The optative domain in East Caucasian languages. Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages, 95, 130. 2011.
 10. Гусев В.Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
 11. Добрушина Н.Р. Наклонение и модальность // Кибрик А.Е., Татевосов С.Г., Лютикова Е.А., Казенин К.И (ред.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие, 2001.
 12. Dobrushina N., van der Auwera J., Goussev V. The Optative // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/73>, Accessed on 2022-12-01.)
 13. Grosz P.G. On the grammar of optative constructions. PhD Thesis. Massachusetts, 2011.
 14. Rifkin J. If only if only were if plus only. *Proceedings of CLS 36.1* Chicago Linguistic Society, Chicago. 2000: 369–384.
 15. Biezma M. Optatives: Deriving desirability from scalar alternatives. In *Proceedings of Sinn und Bedeutung* (Vol. 15, pp. 117–132). 2011.
 16. Sadock J.M., Zwicky A.M. Speech Acts Distinctions in Syntax // Т. Shopen (ed.) Language Typology and Syntactic Description. Vol. I. Cambridge: CUP, 1985, Pp. 155–196.
 17. Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Seongha R. World lexicon of grammaticalization, 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
 18. Van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology* 2, 79–124, 1998.
 19. Vanhove M. A diachronic semantic map of the Optative negative in Beja (North-Cushitic) // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2022. Vol. 41. №. 1. Pp. 263–277.
 20. Мордашова Д.Д. Аналитические конструкции с формами глагола 'быть' в горномарийском языке // Урало-алтайские исследования, 2017. № 04 (27). С. 59–76.
 21. Мордашова Д.Д. Формы императивной серии // Е.В. Кашкин (отв. ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М., 2023. С. 350–366.
 22. Закирова А.Н. Горномарийский модальный показатель *-šaš*, параметр субъективности и участники речевого акта // Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.) / Ред. Д.Ф. Мищенко. СПб.: ИЛИ РАН, 2017. С. 61–64.
 23. Закирова А.Н. Оптатив и дебитив в горномарийском: употребления в полипредикации и ограничения на подлежащее. Доклад на конференции «Малые языки в большой лингвистике», ОтиПЛ МГУ, 17.04.2020.
 24. Пенгитов Н.Т. Современный марийский язык: морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961.
 25. Alhoniemi A. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993.
 26. Петухова А.Н. Детский фольклор народа мари. Йошкар-Ола, 2004.
 27. Васикова Л.П. Структурные схемы предложений в марийском языке // Советское финно-угроведение, 1982. № 4. С. 271–282.
 28. Васикова Л.П. Модальные значения причастий будущего времени в современном марийском языке // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1975. С. 46–55.
 29. Добрушина Н.Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики: Монография. Русский язык. Семантика. Animedia Company, 2016.
 30. Падучева Е.В. Конструкция с независимым инфинитивом. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>).
 31. Simonenko A. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // *Proceedings of the Forty-Third Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 43)* (Vol. 2, pp. 127–140). N.Y.: The City University of New York.
 32. Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic // International Symposium on Deictic Systems и

REFERENCES

- Quantification in Languages Spoken in Europe и North и Central Asia: Collection of papers. 2003. Pp. 130–145.
33. Siegl F. The Non-Possessive Use of PX2P in Nganasan и Dolgan – a reappraisal // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2015. № 39. Pp. 67–100.
 34. Тужаров Г.М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987.
 35. Nevskaya I. The typology of the prospective in Turkic languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung-STUF*, 58(1), 2005. Pp. 111–123.
 36. Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1. Татарские и башкирские заимствования. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993.
 37. Layton B. A Coptic Grammar. With Chrestomathy and Glossary. Sahidic Dialect. Harassowitz Verlag, Wiesbaden, 2000.
 38. Мордашова Д.Д. Ретроспективный сдвиг // Е.В. Кашкин (отв. ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М., 2023. С. 336–349.
 39. Spronck S., Van linden A., Gentens C., Sol Sansiñena M. 2020. Perspective persistence and irregular perspective shift: Mismatches in form-function pairings. *Functions of Language* 27(1): 1–6 [Special issue ‘Notes from the field on perspective-indexing constructions: Irregular shifts and perspective persistence’, edited by Stef Spronck, An Van linden, Caroline Gentens and María Sol Sansiñena (<https://benjamins.com/catalog/fol.27.1>)]
 40. Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1964.
 41. Павлов И.П. (отв. ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957.
 42. Тенишев Э.Р. (ред.) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
 43. Johanson L. Linguistic convergence in the Volga area // *Studies in Slavic and General Linguistics*, 2000. Vol. 28. Pp. 165–178.
 44. Ардышева С.М., Романова Е.А., Сапарова Д.А. Функции копулы прошедшего времени =*teä* в малочарачкинском говоре чувашского языка // Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.). / Отв. ред. Д.Ф. Мищенко. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 7–11.
 45. Романова Е.А., Сапарова Д.А. Клитика *teä* в малочарачкинском говоре чувашского языка: копула, показатель ретроспективного сдвига, фокусная частица // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2021. Т. 1. №. XVII. С. 306–338.
 1. Bybee, J.L., Perkins, R.D., Pagliuca, W. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world (Vol. 196). Chicago: University of Chicago Press, 1994.
 2. Plungian, V.A. *Antirezultativ: do i posle rezultata* [Anti-Resultative: Before and After the Result]. V.A. Plungian (ed.). *Issledovanija po teorii grammatiki. Vyp. 1: Grammaticheskie kategorii* [Studies in Grammatical Theory. Vol. 1: Grammatical Categories]. Moscow: Russkie slovari Publ., 2001, pp. 50–88. (In Russ.)
 3. Plungian, V.A., van der Auwera, J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006, No. 59(4), pp. 317–349.
 4. Mordashova, D.D., Zakirova, A.N. *Optativnaja zona* [The Optative Zone]. E.V. Kashkin (ed.). *Elementy gornomarijskogo jazyka v tipologicheskom osveshhenii* [Elements of Hill Mari in a Typological Perspective]. Moscow: Buki Vedi Publ., 2023, pp. 366–372. (In Russ.)
 5. Ivanov, I.G. *Marij dialektologij. Universitetnye student-vlaklan tunemme kniga* [Mari Dialectology. University Student’s Book]. Yoshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet Publ., 1981. (In Mari)
 6. Hajdu, P. *Uralskie jazyki i narody* [Uralic Languages and People]. Moscow: Progress Publ., 1985. (In Russ.)
 7. Berczki, G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte [Basic linguistic history of Mari]. T. 1. Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, 1994. (In German)
 8. Palmer, F.R. Mood and modality. Cambridge university press, 2001.
 9. Dobrushina, N. The optative domain in East Caucasian languages. Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages, 95, 130. 2011.
 10. Gusev, V.Ju. *Tipologija imperativa* [Typology of Imperative]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kultury Publ., 2013. (In Russ.)
 11. Dobrushina, N.R. *Naklonenie i modalnost* [Mood and Modality]. Kibrik, A.E., Tatevosov, S.G., Lyutikova, E.A., Kazenin, K.I (eds.). *Bagvalinskij jazyk: Grammatika. Teksty. Slovare* [Bagvalal Language: Grammar. Texts. Dictionaries]. Moscow: Nasledie Publ., 2001. (In Russ.)
 12. Dobrushina, N., van der Auwera, J., Goussev, V. The Optative. Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/73>, Accessed on 2024-02-29.)
 13. Grosz, P.G. On the grammar of optative constructions. PhD Thesis. Massachusetts, 2011.
 14. Rifkin, J. If only if only were if plus only. *Proceedings of CLS 36.1* Chicago Linguistic Society, Chicago, 2000, pp. 369–384.

15. Biezma, M. Optatives: Deriving desirability from scalar alternatives. In *Proceedings of Sinn und Bedeutung* (Vol. 15, pp. 117–132). 2011.
16. Sadock, J.M., Zwicky, A.M. *Speech Acts Distinctions in Syntax*. T. Shopen (ed.) *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. I. Cambridge: CUP, 1985, pp. 155–196.
17. Kuteva, T., Heine, B., Hong, B., Long, H., Narrog, H., Seongha, R. *World lexicon of grammaticalization*, 2nd Edn, 2019. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Van der Auwera, J., Plungian, V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology* 2, 1998, pp. 79–124.
19. Vanhove, M. A diachronic semantic map of the Optative negative in Beja (North-Cushitic). *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2022, Vol. 41, No. 1, pp. 263–277.
20. Mordashova, D.D. *Analiticheskie konstrukcii s formami glagola 'byt' v gornomarijskom jazyke* [Analytical Constructions Using Forms of the Verb 'to be' in Hill Mari]. *Uralo-altajskie issledovanija* [Ural-Altai Studies]. 2017. No. 04 (27), pp. 59–76. (In Russ.)
21. Mordashova, D.D. *Formy imperativnoj serii* [Forms of the Imperative Series]. E.V. Kashkin (ed.). *Elementy gornomarijskogo jazyka v tipologicheskom osveshhenii* [Elements of Hill Mari in a Typological Perspective]. Moscow: Buki Vedi Publ., 2023, pp. 350–366. (In Russ.)
22. Zakirova, A.N. *Gornomarijskij modalnyj pokazatel -šaš, parametr subjektivnosti i uchastniki rechevogo akta* [The Hill Mari Modal Marker -šaš, the Parameter of Subjectivity and Speech-Act Participants]. D.F. Mishchenko (ed.). 14th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (St. Petersburg, 23–25 November 2017). Book of abstracts. St. Petersburg: ILI RAN Publ., 2017, pp. 61–64. (In Russ.)
23. Zakirova, A.N. *Optativ i debitiv v gornomarijskom: upotrebleniya v polipredikacii i ogranicheniya na podlezhashchee* [Optative and Debitive in Hill Mari: Uses in Polypredication and Restrictions on the Subject]. Talk at the conference: *Malye jazyki v bolshoj lingvistike* [Small Languages in Big Linguistics]. 17–18 April 2020, Moscow State University, online. (In Russ.)
24. Pengitov, N.T. *Sovremennij marijskij jazyk: morfologija* [Modern Mari: Morphology]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1961. (In Russ.)
25. Alhoniemi, A. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)* [A Grammar of Mari]. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993. (In German)
26. Petuhova, A.N. *Detskij folklor naroda mari* [Children Folklore of the Mari People]. Yoshkar-Ola, 2004. (In Russ.)
27. Vasikova, L.P. *Strukturnye shemy predlozhenij v marijskom jazyke* [Structural Schemes of Sentences in Mari]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric Studies]. 1982, No. 4, pp. 271–282. (In Russ.)
28. Vasikova, L.P. *Modalnye znachenija prichastij budushhego vremeni v sovremennom marijskom jazyke* [Modal Meanings of Future Participles in Modern Mari]. *Voprosy marijskogo jazyka* [Issues in the Mari Language]. Yoshkar-Ola, 1975, pp. 46–55. (In Russ.)
29. Dobrushina, N.R. *Soslagatelnoe naklonenie v russkom jazyke: opyt issledovanija grammaticheskoi semantiki* [Subjunctive in Russian: Study of the Grammatical Semantics]. Praha: Animedia Company, 2016. (In Russ.)
30. Paducheva, E.V. *Konstrukcija s nezavisimym infinitivom. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki* [Construction with the Independent Infinitive. Materials for the Corpus Description of Russian Grammar] (<http://rusgram.ru>). (In Russ.)
31. Simonenko, A. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers. *Proceedings of the Forty-Third Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 43)* (Vol. 2, pp. 127–140). N.Y.: The City University of New York.
32. Nikolaeva, I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. *International Symposium on Deictic Systems и Quantification in Languages Spoken in Europe и North и Central Asia: Collection of papers*. 2003, pp. 130–145.
33. Siegl, F. The Non-Possessive Use of PX2P in Nganasan и Dolgan – a reappraisal. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2015, No. 39, pp. 67–100.
34. Tuzharov, G.M. *Grammaticheskie kategorii imeni sushhestvitelnogo v marijskom jazyke* [Grammatical Categories of the Noun in Mari]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1987. (In Russ.)
35. Nevskaya, I. The typology of the prospective in Turkic languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung-STUF*, 2005, No. 58(1), pp. 111–123.
36. Isanbaev, N.I. *Marijsko-tjurkskie jazykovye kontakty Ch. 1. Tatarskie i bashkirskie zaimstvovaniya* [Mari-Turkic Language Contacts. Part 1. Tatar and Bashkir borrowings]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1993. (In Russ.)
37. Layton, B.A. *Coptic Grammar. With Chrestomathy and Glossary. Sahidic Dialect*. Harassowitz Verlag, Wiesbaden, 2000.
38. Mordashova, D.D. *Retrospektivnyj sdvig* [Retrospective Shift]. E.V. Kashkin (ed.). *Elementy gornomarijskogo jazyka v tipologicheskom osveshhenii* [Elements of Hill Mari in a Typological Perspective]. Moscow: Buki Vedi Publ., 2023, pp. 336–349. (In Russ.)
39. Spronck, S., Van linden, A., Gentens, C., Sol Sansiñena, M. 2020. Perspective persistence and irregular perspective shift: Mismatches in form-function pairings. *Functions of Language* 27(1): 1–6 [Special issue 'Notes from the field on perspective-indexing constructions: Irregular shifts and perspective persistence', edited by Stef Spronck, An Van linden, Caroline Gentens and María Sol Sansiñena (<https://benjamins.com/catalog/fol.27.1>)]
40. Galkin, I.S. *Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfologija* [Historical Grammar of Mari].

- Morphology]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1964. (In Russ.)
41. Pavlov, I.P. (ed.). *Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo jazyka* [Materials in Modern Chuvash Grammar]. Cheboksary: Chuvashgosizdat Publ., 1957. (In Russ.)
42. Tenishev, E.R. (ed.) *Sravnitelno-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Morfologija* [Comparative Grammar of Turkic Languages. Morphology]. Moscow: Nauka Publ., 1988. (In Russ.)
43. Johanson, L. Linguistic convergence in the Volga area. *Studies in Slavic and General Linguistics*, 2000, Vol. 28, pp. 165–178.
44. Ardysheva, S.M., Romanova, E.A., Saparova, D.A. *Funkcii kopuly proshedshego vremeni =teə v malokarachkinskome govore chuvashskogo jazyka* [Functions of the Past Copula =teə in Maloe Karachkino Chuvash]. D.F. Mishhenko (ed.). 15th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (St. Petersburg, 22–24 November 2018). Book of abstracts. St. Petersburg: ILIRAN Publ., 2018, pp. 7–11. (In Russ.)
45. Romanova, E.A., Saparova, D.A. *Klitika teə v malokarachkinskome govore chuvashskogo jazyka: kopula, pokazatel retrospektivnogo sdviga, fokusnaja chastica* [Clitic teə in Maloe Karachkino Dialect of Chuvash: a Copula, a Retrospective Shift Marker, a Focus Particle]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij* [Proceedings of the Institute of Linguistics of the RAS]. 2021, Vol. 1, No. XVII, pp. 306–338. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 17 ноября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 декабря 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.
Дата публикации: 30 апреля 2024 г.*

Received by Editor on November 17, 2023

Revised on December 7, 2023

Accepted on February 15, 2024

Date of publication: April 30, 2024